

КОЛЫБЕЛЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ренессанса



При упоминании «вечеров в Политехническом», как в самых сентиментальных мексиканских сериалах, влажнеют глаза и теплеет голос даже у самых матерых представителей поэтического цеха. Причем это в равной степени относится и к тем, кто в «эпоху Политехнического» был рядовым зрительного зала, и к тем, кто стоял на сцене, по эту сторону поэтических баррикад. Да и была ли такая баррикада? Во всяком случае мэтр современной русской поэзии и один из старожилов Большой аудитории времен поэтических 60-х **АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ** отвечая на наш вопрос, категоричен: он помнит только абсолютное единство зала и сцены, читающих стихи и слушающих их...

- Я думаю, что даже знаменитый Хуциевский фильм «Мне двадцать лет», где есть отличные кадры вечера в Политехническом, не передает всю ту атмосферу, в которой эти вечера проходили. Это было какое-то абсолютное единение с залом. Мы с теми, кто приходил слушать стихи, практически не расставались, стали почти родными. Выступающие менялись, и только наша четверка - Белла Ахмадулина, Булат Окуджава, Евгений Евтушенко и я - неизменно были на сцене. А рядом были то Б. Слуцкий, то Р. Казакова, то В. Соколов...

В зале сидели и наши друзья актеры, например, М. Вертинская, которые неизменно приходили нас послушать. Поэтому и зал, и сцена общались, как одна семья. Зал слушал часами и не уставал от стихов. Приходя за полчаса до начала очередного вечера, я видел только человеческие спины, склонившиеся над бытовавшими тогда огромными неуклюжими катушечными магнитофонами. Они готовили их к записи, которая какими-то путями расходилась потом по всей стране. Публика ждала стихов. Она выжимала ситуацию

до конца. Из зала просили что-то прочитать, и мы читали. Мы что-то бросали в зал, и зал это подхватывал, заглывал, как наживку...

Власти стихов немного побаивались, но вроде бы все разрешали. Интерес к этим встречам в Политехническом был огромен. Я как-то привел туда американскую журналистку Патрисию Блейк. Ту самую, которая потом послужила «прототипом» героини известного кочетовского опуса «Чего же ты хочешь?». Там есть такая американская журналистка, шпионка Патриция Уиски (или что-то в этом роде - путается кочетовский текст с написанными на него пародиями). Так вот, эта Патриция (настоящая) была тогда корреспондентом «Таймс» в Москве и очень хорошо и красочно описала наш вечер. У нее в то время были острые публикации по еврейскому вопросу в Советском Союзе. Так что она с такими репортажами быстро стала персоной нон грата у нас в стране...

Зал слушал часами и, казалось, совсем не уставал от стихов. Но временами серьезность, приподнятость поэтической атмосферы начинала давить, и требовалось что-то неординарное, даже хулиганское, чтобы встряхнуть слушателей. Как я уже говорил, в зале было много наших друзей, которые общались с нами запросто, как и мы с ними. Однажды из зала попросили: «Андрей, повеси нас!..». И вот я, читая, в строчке, где есть «хрен голландский», запнулся, забормотал под нос, спрашивая как бы сам себя: «Хрен голландский или х... голландский?..». Тихо так, но в зале все было отлично слышно. А сидевший рядом Б. Слуцкий, у которого было очень своеобразное чувство юмора, покраснел, как рак, и уткнулся в букет цветов, который у него, как и у всех нас, был в руках. Так что несколько минут из букета торчали только два абсолютно красных уха... Ну я потом сел на свой стул, а он мне: «Андрей! Вы знаете, что вы сейчас сказали? Вы сказали слово «х...»! Это все тихо, но так, что его реплика была отлично слышна в зале. Все развеселились, и можно было снова читать стихи сколько угодно...

А вообще если говорить серьезно, то такой атмосферы, какая была в Политехническом, не случалось уже нигде. Хотя я впоследствии чаще выступал (и полюбил это) в гораздо более вместительных аудиториях - зале Чайковского, Дворце спорта, но именно от сравнительно небольшой аудитории Политехнического и начался тот поэтический ренессанс, который пришелся в России на начало шестидесятых...

*Вечерняя Москва. - 1997.
- 6 дек. - с. 4*